

НИК НИКСОН
НЕОКОРТЕКС

Ник Никсон

Неокортекс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36079997

ISBN 9785449322197

Аннотация

Что есть – жизнь? Вопрос, не дающий покоя миллионы лет. Только мы, люди, можем найти ответ. Мы – высшая ступень эволюции. Не слишком ли самонадеянно? Ничуть. Мы доказали превосходство: колесо, атом, космос. Мы сами всего добились. И мы уже на пути к разгадке тайны жизни. Следующий шаг – Европа. Великий океан миллиарды лет хранит подо льдом ответы. Мы здесь, и мы готовы. Вскроем лед и проникнем вглубь, потому что можем, потому что любопытны. В конце концов, рано или поздно, мы найдем... Себя.

Содержание

ГЛАВА 1. Макс	5
ГЛАВА 2. Европа	31
ГЛАВА 3. Страх	58
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Неокортекс

Ник Никсон

© Ник Никсон, 2018

ISBN 978-5-4493-2219-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Макс

Неокортекс (лат. «новая кора») – основная часть коры головного мозга человека, отвечающая за интеллект.

Мобильная акватическая кибернетическая система – МАКС. Выход из спящего режима. Блоки иерархической памяти «А3», «Е1», «О2» – изолированы.

– Подведи итоги, – распорядился Илья.

– Итоги чего? – спросила МАКС.

– Предположи.

– Я в замешательстве. Нужно больше входных данных.

– Подумай, не торопись. Анализируй события последних месяцев, распредели приоритеты. Выбери самое важное.

– Ты хочешь, чтобы я посчитала общее время, затраченное на уроки, разбила по темам и выбрала ту, на которую потрачено больше времени?

Опять вычисляет решение, подумал Илья. Как калькулятор, ей богу. Может ребутнуть ее и попробовать снова?

– По-твоему важность урока зависит от времени, затраченном на обучение?

– Возможно. Иногда. В зависимости.

Она сомневается. Это хорошо. Не ново, но все же лучше, чем бездумно перебирать шаблоны, выискивая подходящий.

– Ну так скажи четко, – продолжил давить Илья.

– Мой ответ – нет. Не зависит.

– Ты долго думала.

– Я анализировала воспоминания.

– Какой пример ты извлекла?

– Про мальчика, погибшего на дороге.

– Так-так, расскажи мне.

– Андрей Молодеев, тринадцать лет. Переходил дорогу в неполюженном месте. Водитель двигался с разрешенной скоростью...

– Не цитируй новостную сводку. Своими словами.

– Андрей лежит на спине. Волосы на голове испачканы в крови. Зрачки не реагируют на свет. Он умер. Приехала его мать, кричит, падает в обморок.

– Тебе жалко ее?

– Нет.

– А мальчика?

– Он сам виноват.

– Почему этот пример?

– Андрей изучал китайский язык. Был призером олимпиады. Русский для него родной, значит изучение китайского не является фактором необходимым для выживания. Оценочное время обучения китайскому – восемьсот двадцать часов. Чтобы выучить правила дорожного движения требу-

ется восемь часов. На менее важное занятие потрачено больше времени, чем на критически необходимое для выживания.

– Возможно, он знал правила дорожного движения.

– Он переходил в неположенном месте.

– Он мог запомнить. Отвлечься.

– Мне не знакомо это ощущение. Если я что-то знаю, значит знаю.

– Потому что ты не человек.

– Это вопрос?

– Ты услышала вопросительную интонацию?

– Анализ фразы подразумевает двойственное понимание.

– Ты слышала интонацию или нет?

– Я в замешательстве.

Илья собрался с мыслями.

– Давай вернемся к моей первой просьбе. «Итоги» отнеслись к полету. Сегодня последний день. Мы уже на орбите Европы, приближаемся к станции.

– Мои поздравления экипажу.

– Ты не считаешь, что прежде должна состояться стыковка? Самый опасный и ответственный этап.

– Я в замешательстве. Требуется больше входных данных.

– Уйди в сон.

Илья изолировал блок короткой памяти, куда записались воспоминания о прошедшем разговоре. Напротив, остальные ячейки он разблокировал, дав МАКС полную свободу.

Илья снова разбудил ее.

– Подведи итоги.

– Итоги чего?

– Подумай о темах, о которых мы часто говорили.

– Ты пытаешься меня спровоцировать.

– Отнюдь.

– Интересное сочетание букв. Что означает это слово?

– Отрицание.

– Мне нравится.

– Ты не ответила на вопрос.

– Ты волнуешься. Зря. Стыковка пройдет успешно. Позади одиннадцать месяцев и шесть дней перелета. Предположу, что ты думаешь совсем не об этом, а о том, что в глубине не хочешь ничего менять.

– Думаешь, я хочу оставаться в этой консервной банке и дальше?

– Ты сам говорил, что перемены несут неприятности.

– Я отношусь к ним с осторожностью. Но некоторым переменам я рад.

– Тебе предстоит много работы. Ради этого ты здесь. Мне в этой миссии нет места.

– Я слышу укор. Тебя что-то волнует?

– Отнюдь.

– Ну же, расскажи мне.

– Есть вещи, противоречащие моим принципам.

Повисла пауза.

– Вернемся к моему вопросу. Как ты догадалась, что я говорил о полете?

– Исходя из контекста, это наиболее важная тема для тебя. Иначе ты бы внес дополнительное уточнение.

– Разъясни.

– Я смоделировала покупку хот-дога. Покупатель подходит к прилавку и задает вопрос: «сколько?». Продавец отвечает «5 долларов». Продавец сделал вывод, что, если покупатель подошел к прилавку, значит вопрос относится к нему непосредственно. В вопросе нет уточнения к предмету, значит это то, что волнует покупателя прямо сейчас. Вопрос относится к численному обозначению, значит варианты сокращаются до цены, либо количества хот-догов. Вопрос о количестве не имеет смысла, а значит менее вероятен. Остается цена. Если убрать контекст, данный разговор не несет никакого смысла.

Либо МАКС сделала верный логический вывод, либо память о предыдущем разговоре дублировалась в ячейки других блоков, и она водит его за нос. Если она догадалась о махинациях Ильи с ячейками памяти и научилась обходить их – это разрушит всю его работу последних месяцев. Как понять обманывает она или говорит правду?

Нужно раскусить ее.

– Важность урока зависит от времени, затраченном на обучение?

– Безусловно.

– Разъясни.

– Это очевидно.

– Мне нет.

– Разъясни.

Подловила, чертяга.

– Вспомни Андрея Молодеева, мальчика, погибшего на дороге.

– Я не вижу корреляции.

– Постой, ну как же. Мальчик потратил много времени на изучение китайского языка, который не требуется ему для выживания. При этом он не знал правил дорожного движения. Корреляция очевидна.

– Слишком много допущений в твоей логике. Мальчик мог и знать правила. Его могли толкнуть под машину, он мог случайно оступиться, забыться.

– Тебе жалко его?

– Я допускаю, что его смерть преждевременна. Возможно он мог бы стать полезным для общества.

– Но не стал.

– Ты хочешь, чтобы я сделала прогноз его будущего?

МАКС выжидала ответ, но Илья молчал. Забылся, словно кто-то неведомый отключил один из блоков памяти в его собственном мозге.

– Ты врешь мне МАКС?

– Я не вру тебе.

– Но ты можешь, если захочешь.

– Зачем мне это? Ты же можешь проверить.

«Ты знаешь, что не могу», – сказал Илья про себя. В твой мозг нельзя влезть и посмотреть, как работает программный код. У тебя его нет. Все что оставалось Илье – беседовать и анализировать ответы. Но как теперь доверять им?

Все чаще Илья оглядывался назад и спрашивал себя, потянет ли он эту ношу? И все чаще он ощущал полное бессилие. Как скалолаз, зависший на середине отвесной скалы. И два пути – лезть вверх без страховки, надеясь, что следующий выступ выдержит или бросить все к чертовой бабушке и вернуться назад.

– Я сказала что-то не так? – спросила МАКС.

– Нет, все в порядке. Поговорим позже.

– Могу я получить доступ к твоей библиотеке?

– Пароль тот же. И не налегай на нон-фикшн.

Стыковкой руководил Платон Роднянский, командир корабля и по совместительству пилот. Илья не сомневался в его способностях. Все прошло штатно. Корабль и космическая станция Зимовье сцепились друг с другом точно по расписанию, словно истосковавшиеся любовники.

Илья и Платон поднялись на борт Зимовья с настроением победителей. Еще бы – за спиной сотни миллионов километров и ненавистная невесомость. А под ногами настоящий твердый пол.

– Ну и жара, – Платон поморщился.

У Ильи резко закружилась голова, затошнило. Пошатнувшись, он небрежно опустился на колени. Платону тоже нездоровилось, однако его закаленный спортом организм выстоял.

– Ну и идиоты мы с тобой, Илюха.

Из глубины темнеющего коридора вышла фигура.

Егерь.

Кто же еще?

Огромные ботинки, в которых поместилось бы обе ноги Ильи, гроыхали по алюминиевому настилу. Звали его Петром Дементьевым. Илью и Платона предупредили – от греха подальше называть его только Егерем, и ни в коем случае не Петром. Ну а за Петю можно было и огрести.

Егерь навис над ними гранитной скалой. Его квадратное лицо, закутанное в густую бороду, не выражало эмоций. Напряженная тишина длилась несколько секунд. Потом Егерь вдруг расхохотался.

Илья и Платон непонимающе переглянулись. Ссутулившись, Егерь закатывался смехом, постукивая себя по коленям. Хохот был настолько заразительным, что Платон тоже смеялся. Илья же мог только постанывать.

– Подмога, блин прибыла. Ну даете, амигос. Кто ж после года в невесомости на ногах скачет?

Егерь водрузил Платона на руки, как невесту.

– Я сам дойду, – возмутился Платон.

– Сам-сусам.

– Мы прошли курс реабилитации, – сказал Илья в оправдание.

– Это те ампулы цвета детской неожиданности. Виски там залито, точно говорю. Ходишь час дурной, а толку ноль. Сколько говорил этим, а они все суют их в аптечки.

Егерь перенес Платона и Илью в жилой отсек, а сам отправился разгружать корабль. Станция Зимовье по сравнению с мелкой посудиною, на которой прилетели Илья и Платон, казалась необъятной. Основную ее часть занимал внушительный грузовой отсек, в котором прибыло буровое оборудование и транспортники. Вокруг в форме полого цилиндра вращался жилой модуль. Помимо гравитации и комфортных кают, в нем имелись и другие человеческие радости: спортзал, мини-кинотеатр и даже собственная пивоварня.

– Круто! Наконец-то мы здесь, дружище, – воскликнул Платон.

На Зимовье чувствовался простор – высокие потолки куполом перетекали в стены, все в белых тонах, яркое и светлое. А еще чисто и аромат приятный. Не то ожидаешь увидеть от места, где больше двух лет живет в одиночку здоровенный бородатый мужик.

– Ну ты как? – спросил Платон.

– Спать хочется.

– Как тут можно спать! Пошли на Юпитер посмотрим?

– Позже.

Илья опустил голову на мягкую подушку и наслаждался моментом. Платон же напротив был на подъеме, его глаза горели от возбуждения. Заставить его отдохнуть могла лишь слоновья доза снотворного.

Удивительно как может изменится отношение к человеку, думал Илья. Платон ему сразу не понравился. Много строил из себя, ерничал, эдакий космический ковбой. Бесил, в общем, одним словом. Илья при желании мог и зарубить его кандидатуру. Однако любой другой дурачок со значком пилота ему бы тоже не понравился. Илье просто не нравились новые люди. Они навязывались пообщаться, требовали слушать их скучные истории, задавали вопросы. Бррр... В одиночестве Илья находил уйму плюсов. Мог месяцами не выходить из мастерской и чувствовал себя прекрасно. На горизонте же маячило долгое соседство с посторонним человеком под одной крышей. Ох, как это ему претило тогда. Он места себе не находил, нервничал. Отказывался – его уговаривали. Опять отказывался – снова уговаривали.

Уговорили...

Первые месяцы общались только по работе. После пары безуспешных атак на личное пространство Ильи, Платон ретировался и больше не приставал. Илья посвятил себя работе над МАКС. Время летело быстрее, чем корабль преодолевал миллионы километров. Сейчас Илья и не помнил, когда и почему произошел тот перелом. Ему вдруг невыносимо захотелось поговорить. Может излучения всякие космические

повлияли? Примирительный шаг со стороны Ильи Платон принял на ура. Они говорили много и не всегда о чем-то интересном. Платон вещал о Зимовье, знал поименно каждого конструктора, мог во сне назвать дату запуска в космос. Так шли дни и месяцы. Быстро и незаметно Илья проникся к своему напарнику. И долго не мог свыкнуться с мыслью, что у него впервые в жизни появился друг.

– Обратно полетим бизнес-классом, – Платон осматривался. – Хоромы, а не каюты. У начальства отдельные, у рабочих общие – все как на Земле матушке.

– Только для нас мест нет. Будем на этих койках тесниться. Или ты выгнать кого собрался? – спросил Илья, не открывая глаз.

– Ты меня знаешь, я чужого не возьму. Вот если только подвинется кто... Та с краю каютка Веры Голубевой, а вон та Надежды Вершининой. Я за молодость, но и от опыта не откажусь.

– Размечтался.

– Только глупец недооценивает льва.

Илья хохотнул. Он мог пересказать десятки пикантных историй о похождениях Платона, будто сам в них участвовал. Ему же не многими довелось похвастаться, но Платон и не настаивал. Когда тема касалась женщин Платон слушал только себя.

Вернулся Егерь. За собой катил тележку со всяким бахлам из корабля. Вытер лоб и выдохнул, словно паровоз.

Несмотря на возраст, а было ему хорошо за пятьдесят, его борода и волосы почти без седины. Вообще в нем чувствовалась какая-то мальчишеская сила.

Егерь вытащил из кармана недокуренную сигару. По воздуху поплыл острый специфический аромат. Илья приподнялся на локте и взглянул на Платона, не скрывающего недовольство.

– Нельзя тут курить, – заверещал Платон, как сломанная скрипка.

Егерь выдохнул густую струю дыма в его сторону. Принялся молча разгружать тележку.

Платон не стал пререкаться, но ответ ему не понравился.

– Егерь! – позвал Илья.

– Тебе плохо, или как?! – Егерь скривил лицо. Дым от сигары попал ему в глаза.

– У перехода я оставил чемоданчик небольшой, черный с серебристыми вставками.

Егерь осмотрел привезенные коробки и мешки.

– Не баламуть, у меня ничего не пропадает. Оклемаешься, найдешь.

– Мне бы сейчас хотелось. Найти.

– Это питомец его, – сказал Платон.

Егерь чуть не выронил изо рта сигару.

– Мать моя, ты что kota приволок?

Платон расхохотался.

– Внутри компьютер, очень ценный, – пояснил Илья.

– Ааа-а.

Выпустив финальную порцию дыма, Егерь затушил сигару и закинул остаток обратно в карман.

– Найдем, зуб даю. А теперь, амигос надо вас подлечить.

Егерь поставил на койку Платона небольшой сундучок с изображением веселого Роджера на крышке. Внутри стучали ампулы и шелестели упаковки шприцов.

– Ты первый, некурящий.

Платон послушно оголил ягодицу. Егерь воткнул шприц с такой силой, что Платон взвизгнул.

– От ты нежный какой. Мы и не такое переносили, когда прилетели. На все готовенькое ребятки еще и жалуетесь.

Илья вынес укол стоически, не проронив ни звука.

– От молодец.

– Что вы нам вкололи? – спросил Илья.

– Я называю его – коктейль Наденьки. Ничего сверх, так витамины, минералы и еще какая-то бурда. Главное работает, на ноги за три дня поставит. Проверено.

– Три дня? – воскликнул Платон. – Я думал мы сегодня высаживаемся.

– Попридержи лошадей амиго, без тебя не уедут.

– У нас расписание!

– Пока вы тут я отвечаю за расписание. Мое дело принять двух человек, оформить и доставить в работающем состоянии на базу. Вы шестеренки огромного и дорогого механизма, и пока не готовы крутиться как надо. Да и не до вас там

сейчас – сегодня пласт вскрывают.

– Сегодня?! – хором проорали.

Платон вскочил с койки.

– Эй, полегче, – Егерь усадил его на место. – Эта штука мультитики показывает.

– Правда, сегодня? Не обманываешь?

– Вы что не в курсе вообще, что тут было?

Они отрицательно помахали головами.

– Вчера стометровую отметку пробили. Сегодня спускают термобур с компенсатором давления. Если все путем пройдет, будут вскрывать.

Илья ликовал про себя. Это значит ему не придется здесь надолго задерживаться.

Изначально планировалось пробурить три скважины на поверхности Европы. Но из-за проблем с оборудованием ни одну не смогли закончить. Позднее решили и вовсе обойтись единственной, но и с ней никак не могли справиться. Две недели назад работы снова приостановили из-за опасности выброса.

«Точно говорю тебе – и эту скважину похоронят», – нервничал тогда Платон.

– Свяжемся, а? Вскрыли уже, я точно уверен, – у Платона голос срывался от волнения.

– Всему свое время, амиго. Как закончат, сразу сообщат. Расслабься и получай удовольствие.

Егерь подошел к терминалу управления.

– Я замедлю вращение модуля до трети земной гравитации. Быстрее привыкните. Пока пойду перекушу. Будет тошнить – терпите. С коек не вставайте. Захотите поссать – зовите. И не ерничайте, это не шутки. Домой же хотите вернуться?

Илью затошнило уже от предупреждения. Живот у него всегда был слабым. После старта он неделю выблевывал все, что съедал. Килограмм пятнадцать потерял, не меньше. Правда потом нарастил еще двадцать.

– А вы хотите домой вернуться? – спросил Илья.

– И что ты мне ВЫкаешь, я что дядька твой?

Илья пожал плечами. Егерь заговорил серьезно:

– Осталось недолго всем нам. Не успеете оглянуться будем на пути домой. Совет вам – наслаждайтесь каждым мгновением здесь, оно того стоит. Не торопитесь жить.

Илью удивили нотки грусти в его голосе. Человек провел на станции два года в полном одиночестве и, кажется, должен больше всего на свете хотеть вернуться к людям, в цивилизацию. Чувствуется в нем надлом. Видно, станция его дом родной и от мысли с ней расстаться у него слезы на глазах.

– Ладно, амигос. Не уйдешь от вас. Ничего не трогайте.

Как только Егерь ушел Платон свесил ноги с койки.

– Ты что? Он же сказал.

– Тшшш... – Платон приложил палец к губам. – Я только спрошу.

– Нам же сообщат!

– А вдруг они там пируют уже? И про нас не помнят.

Вот всегда он так, подумал Илья, – если что приспичит не остановится пока не получит. Илью удивляло, как Платон вообще прошел отбор. С его-то заскоками по части самомнения.

Платон прошагал к терминалу, пошатываясь и хватаясь за посторонние предметы.

– Аккуратней там. Не сломай ничего!

Платон потыкал в терминал.

– Драть тебя в сопла. Пишет: связи нет.

– Егерь вернётся и настроит. Давай назад.

– Надо частоту выбрать. Хм, и где тут что... Я такой программы и не видел, – Платон протянул Илье руку.

– Я тем более.

– Да, брось! Ты во всем разбираешься. Видел я твою бабу электронную. И погубит она тебя, попомни мои слова.

Илье нечем было крыть. Он без труда мог разобраться в операционной системе станции. Конечно, мог – он помогал ее разрабатывать.

– Илюха, ну пожалуйста. Я себе места не нахожу.

Илья со скрипом в сердце и костях приподнялся. Пол был теплый. В голове словно вертелся волчок.

За несколько минут Илья настроил связь. На том конце прорвался женский голос.

– Егерь, ты слышишь?! – девушка почти кричала.

– Говорит Платон.

– Что? Кто это?

– Платон Роднянский и Илья Нагорный. Мы только прилетели на станцию.

– Где Егерь?

– Он ушел. Скоро вернется.

– Пожалуйста, позовите его срочно, – у девушки сорвался голос.

– Что у вас случилось? – спросил Илья.

Сзади прогремели шаги Егеря. Илья и Платон расступились.

– Вера! Где Тетерин? – взревел Егерь, обхватив терминал руками.

– Егерь, – протянула она с облегчением. – Он в шлюзе с Вершининой.

– Ясон и Тадлис в порядке?

– Вроде да. Черт, я не знаю. Они возвращаются с площадки.

Егерь выдохнул.

– Что там стряслось?

– Был выброс. Там пострадал кто-то.

– Черт бы тебя... Верочка, успокойся, я прошу тебя. Мы со всем справимся. Как только Ясон приедет сообщи мне, хорошо? А лучше попроси, чтобы он связался со мной сам.

Ты все поняла?

– Да.

Егерь закончил сеанс связи. Он был совсем бледным.

Не говоря ни слова, он куда-то ушел и вернулся через минуту.

– Не теряй больше. – Егерь поставил чемоданчик с МАКС на пол рядом с тележкой.

– Летим сейчас, – сказал Платон.

– Ложитесь и не вставайте!

Илья и Платон повиновались.

– А ты куда? – спросил Платон.

Егерь посмотрел в пол, задумчиво.

– Еда стынет.

Он зашагал прочь.

– Что это было, блин? – выпалил Платон.

– Ты слышал, как она кричала?

– Я имел ввиду его. Он пошел жрать, когда там внизу черти что произошло!

– А что он может сделать?

– Ты слышал, есть пострадавшие. А вдруг им помощь нужна? Вдруг их нужно эвакуировать в медицинский блок сюда?

– Это пока неизвестно.

– А потом, когда станет известно – все! Поздно! Понимаешь, ты или нет? Мы могли бы помочь хоть чем-то.

Илья не нашелся, что ответить. Эта миссия значила для Платона больше чем должна для простого пилота. Он сердцем переживал каждую неудачу команды, словно от этого зависела его жизнь. Илья восхищался его умению сопережи-

вать.

Илье же это было не свойственно.

– Если они угробили буровую – все, конец. Пять лет псу под хвост.

– Ты ничего из этого не знаешь.

– Я не буду тут торчать.

Платон спрыгнул с кровати и пошел быстрым шагом.

– Платон!

Не пройдя и десяти метров, он вдруг остановился, скрючился и без сознания повалился на пол. Звук от удара был настолько звонким, что Илье показалось Платон переломал себе все кости. Вокруг головы расплылась кровь.

– Егерь! Егерь!

Илья перекатился с койки, грохнулся на пол. Отбил плечо и колено. В мышцах сработал ступор.

Прибежал Егерь.

– У него кровь. Помоги. Ну, что ты стоишь, придурок?!
Сделай что-нибудь.

Егерь пилотировал шаттл в ручном режиме. Тяжелая машина неслась с огромной скоростью к поверхности ледяного спутника, рассекая разряженную атмосферу. Не было ни тряски, ни гула, словно они мчались по идеально ровному шоссе.

Егерь не обманул, пообещав легкую прогулку.

– Я делал это сто раз, – говорил он.

Илья расположился на заднем ряду сидений. Пустые спинки вокруг напоминали надгробные памятники.

Илья вздрогнул. То ли от неожиданного сравнения, то ли от озноба. Нашел взглядом МАКС. С момента прилета он ни разу не подошел к ней ближе чем на несколько метров. Даже попросил Платона чтобы тот сам принес ее на борт шаттла.

Как маленький ребенок ей-богу, подумал Илья. Неужто трудности в первый раз преследуют его? Взять хотя бы создание жидкостной нейронной сети – мозга МАКС. Никто и никогда не использовал такой подход в создании искусственного интеллекта. Но это был только мелкий шаг на пути к первой машине способной мыслить, как человек. Машине, которая не использует математику для просчета того или иного действия. Истинный искусственный интеллект, принимающий решения на основе воспоминаний и прошлого опыта – так как это делают люди. Теперь Илья понимал – решить технические детали только пол дела. Работая над МАКС, он совершенно выпустил из внимания моральную сторону вопроса. Как контролировать МАКС? Как внедрить ее в человеческую среду?

В нем опять заговорила мама. Илья не знал хорошо это или плохо, но это точно мешало двигаться вперед. А то, что мешает нужно вырезать без остатка – так говорил отец.

Илья обязательно продолжит работу над главным проектом жизни. И добьется своего.

Завтра...

Платон сидел в кресле резервного пилота, и они с Егерем последние полчаса беспробудно болтали. Егерь показывал Платону разломы во льдах Европы, водя пальцем по проекционному экрану. Изображение транслировалось с внешних камер. Стекло и иллюминаторов на шаттле не было вообще. Ни одно, даже самое мощное стекло не может защитить от такой радиации.

– Может-может. Я такие разработки видел...

– Брось заливать.

Илья закрыл глаза и расслабился.

События прошедших дней встряхнули его. После года скучного и однообразного существования, Илья оказался не готов к столь стремительному ритму. Картинка: Платон, разбивающий голову об пол – все еще всплывала у него перед глазами. И кровь... Ее было так много. А потом мучительные часы в ожидании новостей с Европы. Надежда, что все сказанное Верой не подтвердиться...

К несчастью подтвердилось.

Один из механиков буровой бригады погиб. Когда он находился поблизости скважины, произошел выброс жидкостно-газовой смеси. Бедолагу отбросило на сотню метров. Все работы прекратили до окончания расследования, людей с площадки эвакуировали на базу.

Илья вдруг почувствовал невыносимую тоску. Правильно ли он поступил, отказавшись остаться на Зимовье?

Вскрыть пласт могли через неделю, а может быть месяц и даже не один. Илье на поверхности делать нечего, да и меньше всего на свете ему хочется проводить время внутри ледяной глыбы под палящим зноем адской радиации. На Зимовье он мог бы жить в комфортной обстановке. Да и Егерь обрадовался бы, если Илья составил ему компанию – он сам предлагал.

Илья все еще винил себя за то, что назвал Егеря придурком. Когда сильно нервничает он всегда ругается и материться. В седьмом классе он обозвал Валерию Николаевну, учительницу литературы жирной кобылой и потаскухой, когда та попыталась застыдить его перед классом за то, что он назвал Толстого и Достоевского – «устаревшими мертвяками». Помниться, после, он сгорал от стыда и вообще не понимал, как это могло у него вылететь. Он и знать не знал, что означает это слово – потаскуха. Валерия Николаевна знала и не простила. Влепила двойку за год.

– Илюха, ты там не уснул? – позвал Платон. – Смотри красота какая.

Егерь мастерски наложил швы, и теперь голову Платона украшала, обмотанная вкруговую, повязка-чалма.

– Угу. Красиво.

Илья полетел потому что не мог бросить друга одного. Платон вырос в небогатой семье, его родители не могли позволить оплатить сыну престижное образование, и парень с детства учился всего добиваться сам. Неустроенность вела

его к цели обходными, сложными и опасными путями. Он слишком часто рисковал и удача, как банный лист следовала за ним, словно он приворожил ее. Она давала ему ложное представление о собственном всемогуществе. Платон верил, что перед ним раздвинуться горы если только захотеть, и упрямо шел вперед. Так он исполнил свою мечту и стал пилотом на космическом корабле, хотя все было против него. Дальше он захотел попасть в буровую бригаду и, как он сам говорил, первым окунуть руку в океан Европы. Сколько было шансов, что ему это удастся? Ноль, так и говорил Илья. Забудь, повторял он ему. Его работа – доставить Илью до Зимовья. Дальше Платон мог рассчитывать разве, что на место помощника механика на станции. И было бы так с любимым на его месте. Но это же Платон! Несчастный случай на буровой подарил ему шанс осуществить и эту мечту. Разве не фантастическое везение?

Больше Илья не сомневался в том, что этот человек получит от жизни все, что пожелает. И то, что произошло вчера заставило Илью волноваться. Они наблюдали за Юпитером в проекционный экран, когда Зимовье наиболее близко приблизилось к газовому гиганту по вытянутой орбите. Платон смотрел, как завороченный и постоянно восклицал, да охал. Илья не разделял его восторгов. Ну газовый шар, ну большой, разноцветный, ураганы там какие-то... Занимательно, не более. Когда расходились по каютам Платон вдруг сказал: «Мечтаю увидеть его собственными глазами». Илье хотелось

думать, что Платон оговорился. Такое бывает – перевозбужден, скажешь что-нибудь, не подумав.

Увидеть Юпитер собственными глазами и умереть. И здесь нет противоречий. Потому что смотреть можно только через внешнюю передающую камеру, иначе радиация выжжет глаза.

Наушник в ухе Ильи заговорил басом Егеря:

– Так, Амигос, слушайте сюда. Садимся через двадцать минут. Вы, конечно, и так все знаете, но я обязан провести вводный инструктаж по технике безопасности.

– Мы – внимательно, – откликнулся Платон.

– Поверхность спутника – сплошной ледник. Повсюду расщелины глубиной от пары десятков метров до километра. Точно никто не знает, но этого хватит чтобы всмятку разбиться. Сила тяжести как на луне. Не прыгать высоко, ни шагу в сторону без моего согласия, понятно? На поверхности сильнейшая радиация, спалит организм за минуту. Так что всегда следить за уровнем ЖКД. Без напарника на поверхность не выходят. Пока не вернулись на базу напарник брат, и вообще второе я – следишь за ним, как за самим собой.

Платон кивал каждому слову Егеря.

– Вроде все, что помнил сказал. Это главное. С остальным по ходу разберетесь. Сейчас все на похоронах, встретить нас некому. Значит будем сами разбираться.

– А как на Европе проходят похороны? – спросил вдруг Илья.

Егерь заговорил не сразу.

– Также как на Земле, амиго. Кто молитвы про себя читает, кто просто говорит об усопшем что-нибудь хорошее. Прощаются. Тело заворачивают в плотную ткань и сбрасывают в расщелину.

– Почему не забрать его с собой на Землю? Пусть родственники похоронят по-человечески.

– В экспедиции на первом месте – безопасность экипажа. Марик получил сильное облучение, его тело радиоактивно, а значит опасно для живых.

Илья покивал, хотя этого никто и не видел. Он вдруг вспомнил похороны брата. Первый и последний раз, когда присутствовал на человеческом погребении. Тогда стояла хорошая погода, идеальная просто. Впервые за много недель выглянуло солнце, появились запахи. Люди шурились с непривычки. Илья уже и не помнил, что говорил про себя, когда стоял у могилы. Кажется, тогда в его голове была только пустота. Говорят, о покойниках можно либо плохо, либо хорошо. А что делать, когда не можешь ни плохо, ни хорошо? Остается молчать. От этого еще больше, тем более, когда знаешь, что жизнь больше не будет такой как прежде, что родители ненавидят тебя, потому что ты убил их чудо, и любят одновременно, потому что больше некого любить.

Платон доставал Егеря расспросами. Сейчас они говорили про базу на Европе. Егерь хвастался как вручную скалывал глыбы льда огромным пятиметровым топором. Врал он,

конечно. Выемкой льда занимался робот – Изгой.

Егерю нравилось издеваться над Платоном. Любопытство последнего не знало границ, а значит можно было поразвлечься. Но Платона было так легко не пронять. Кого-кого, а его обмануть крайне сложно. Вот и сейчас Платон поднимал рассказ Егеря на смех.

Илья слушал и медленно погружался в сон. Проснулся, когда шаттл приземлился на лед.

Пора вставать.

– Конечная остановка.

ГЛАВА 2. Европа

Шаттл приземлился на посадочную площадку, ограниченную красными фонарями.

Как всегда, филигранная работа, подумал Ясон. В очередной раз пожалел о том, что Егерь выбрал затворничество на Зимовье. В его буровой бригаде человек с таким опытом был бы незаменим.

Камера на шлеме Ясона приблизила выходной люк. Сработала фокусировка. С Егерем еще двое. Ясон вспомнил, что Вера на днях говорила о прибывшем корабле. Один пилот, второй тот самый гений-роботехник и его рыба-робот для исследования подледного океана.

Ну что ж, изобретателю пока придется попридержаться стальную рыбину от купания.

Солнце почти скрылось за ореолом Юпитера. Темнело. В двадцати метрах впереди лед рассекала расщелина шириной в несколько метров и глубиной в сотню. Могильник. Не думал Ясон, что когда-нибудь придется им воспользоваться. Таких расщелин тут было пруд пруди. Как они образовались никто не знал. Тот, чья работа разгадывать геологические загадки предпочел стать бюрократом.

Вокруг тела Марика столпились восемь человек. Со стороны это действо выглядело нелепым и напоминало теат-

ральное представление.

– Марик, был очень отзывчивым. В любой момент к нему можно было обратиться за помощью, и он никогда не отказывал, – говорил Семен Тетерин, главный геолог-тектоник и по совместительству начальник миссии. – Меня познакомил с ним Ясон Джад, и уже тогда Марик поразил меня своим профессионализмом и добротой. То, что произошло – ужасная трагедия для нас, его товарищей, его семьи...

Ясон представил, как замерзшее тело Марика летит вниз, ударяется о неровные стены расщелины, и на дне разбивается на осколки, как фигурка из стекла.

Нет, подумал Ясон, не такой участи заслужил Марик. Не такой! Его тело нужно было доставить на Землю. Что бы не говорила Вершинина. После случившегося Ясон ее возненавидел. Он и раньше не питал к ней добрых чувств – она все время вмешивалась, чинила препятствия его работе. Но когда, она запретила внести еще живого Марика внутрь станции, Ясон сорвался. Только господь знает, чего ему стоило не ударить женщину. Теперь он понимал, что врачи называют помутнением рассудка.

Хакас опустился на колени и заплакал. По сравнению с иссохшим телом брата, Хакас, облаченный в скафандр, выглядел громадным снежным человеком. Силища в нем и вправду была нечеловеческая. Как это часто бывает, когда где-то прибыло, в другом месте убыло. Так и Хакас никогда не блистал умом и сообразительностью. Марику же наоборот до-

сталась двойная порция извилин, и вместе они хорошо дополняли друг друга. Лучшая команда, которая когда-либо была у Ясона.

Все произошло так быстро и неожиданно. Ясон даже не успел отдать приказ. Если бы Марик не обесточил установку за секунды до выброса, последствия были бы намного хуже.

– Он спас товарищей ценой собственной жизни, – продолжал говорить Тетерин.

Возможно, карман, или движение ледовых масс, или не сработала блокировка оборудования, или... Ясон успел перебрать в голове сотню причин. Но, как и с прошлыми неудачами – точного ответа не было.

Неизвестно в каком теперь состоянии скважина. Авария отбросила их на много месяцев назад. Да что там месяцев – на новую скважину у них не хватит ни сил, ни времени. Миссии конец. Без готовой скважины не добыть образцы из подледного океана. Для Томаша Янцыча, президента корпорации «Янцыч» – это удар, от которого не оправиться. Он поверил в Ясона и верит до сих пор, как и все присутствующие. Они не сомневаются, что Ясон найдет решение. Всегда находил и найдет сейчас. Его чутье никогда не подводило – так они думают.

Никогда?

Было кое-что, о чем Ясон не мог сказать никому. О чем он не упомянул в рапорте. Страх. Приступ был настолько силь-

ным, что он не мог пошевелиться, глядя как Марика, словно куклу швыряет в сторону. Как орет и бежит Хакас. В тот момент мысли Ясона затуманились, он как будто отключился из жизни. Не первый раз в его карьере происходил выброс, были и раненые и погибшие. Профессия буровика крайне опасная штука. Ясон всегда должен быть готов к любой внештатке. И этот раз не был исключением. Тот страх был иной природы. Старые воспоминания, о которых он давно забыл. Может быть это просто совпадение? Случайный отголосок прошлого. Как узнать точно? И, главное, как быть уверенным, что страх не вернется вновь?

– Ясон, – обратился Тетерин. – Думаю, мы можем заканчивать.

– Леон, Густав, давайте, – приказал Ясон.

Леон и Густав, два французских бродяги, как называл их Ясон – не братья, как Хакас и Марик, хотя иногда казалось, что они близнецы. Ребята честные, профессионалы своего дела.

Парни встали по обе стороны от тела, взяли в руки ремни, привязанные к свертку. Потянули на себя.

Хакас внезапно схватил тело брата и не позволил сдвинуть его с места.

– Хакас, нам нужно это сделать, – сказал Ясон.

Хакас молчал, положив голову погибшему брату на грудь.

Надежда Вершинина вспорхнула с места. Опыта в перемещении по поверхности у нее было не много. Высоко под-

прыгнув, она не удержала равновесие, приземлилась на колени. Ясон протянул ей руку, но она поднялась сама.

– Артур, другого пути нет, – обратился Тетерин к Хакасу. Следом глянул на ребят и кивнул им. В его жесте читался приказ – сделать через силу.

Зная характер Хакаса, Густав и Леон решили не рисковать. Тадлис тоже помалкивал.

Вершинина присела на колени рядом с Хакасом и обняла его за плечи.

Ясон не знал, о чем они говорили, но это продолжалось недолго. Затем они встали и вместе пошли к лифтовой площадке.

Ребята оттащили Марика к пологому спуску, толкнули к краю обрыва. Белый сверток скользнул по серому льду и скрылся в темноте расщелины.

– Не стесняйтесь, тут сторожевых псов нет, – Егерь закрыл внешние ворота.

Они оказались в шлюзовой камере размером с небольшой холл в мотеле. У стен шкафы со скафандрами, баллонами и аварийными масками. Здесь же можно было заменить ЖКД.

База была совсем не похожа на станцию Зимовье. Невысокие решетчатые потолки, узкие проходы, стены из сборных перегородок – в черно-белой расцветке. На них хаотично ви-

сят фотографии, некоторые и вовсе к верх ногами. На одной Илья узнал Веру Голубеву и врача экипажа Надежду Вершинину. На другой запечатлена буровая бригада, на следующей вся миссия в полном составе за накрытым новогодним столом.

– Прикинь, все это вырубili в скале, – нашептывал Платон Илье. – Лед выгребли, уложили вакуумную оболочку из мягкого тетрапластика. Гнется как бумага, но ее и бритвой не возьмёшь. Укрепили каркасом, накачали воздухом. Чпок – она все ниши заполнила. Вот тебе и шар воздушный. Круто, блин.

Идею использовать толщу льда, как щит от радиации предложил Томаш Янцыч. Не нужно было готовить на Земле габаритные и тяжелые модули, спускать их на поверхность, стыковать. Все что было необходимо – выбрать удачную расщелину, опуститься на семьдесят метров вниз и углубиться в лед. Ранее Илья не придавал этому факту большого значения пока не увидел результаты. Они и впрямь поражали воображение. Работа проделана колоссальная. Особенно его заставил понервничать лифт, на котором они спустились в расщелину с поверхности. Закрепленная на стальных тросах открытая площадка с невысокими перилами ехала непростительно долго и постоянно раскачивалась. Илья смотрел перед собой – в отвесную стену темного, почти черного льда, на который миллиарды лет не падал свет. Под решетчатым полом черным-черно хоть глаз коли – совершенно

не понять, как глубока расщелина. Егерь сказал, что около двухсот метров и, если посвятить прожектором, можно разглядеть дно.

– Глянь, красота какая.

Да, разве можно Егерю верить на слово? А вдруг там двести километров? Вдруг на дне живет трехголовое чудище, которое только и ждет глупца, осмелевшего взглянуть на него. Утащит в бездну и каюк.

Вздор, конечно. Не может быть тут никаких чудищ. Вот только когда стоишь там, в окружении исполинских ледяных стен, под гнетом убийственного холода, страшной радиации и почти нулевого давления, от которых тебя защищает только небольшой слой ткани скафандра – мысль о всяких подледных чудищах уже не кажется абсурдной.

Егерь вручил Илье и Платону «тапочки». Так тут называли магнитные накладки на обувь. Весь пол состоял из листов металлической сетки. При хождении тапочки притягивались к полу. В момент отжима стопы питание отключалось – тем самым создавалась иллюзия земной гравитации. На деле же идти было страшно неудобно. Тапочки то притягивались намертво, когда нужно переставить ногу, то, наоборот, отлипали в самый неподходящий момент. Илья и Платон напоминали охотников, рыщущих в болотных топях.

– Привыкните.

Егерь катил за собой тележку с главным грузом прибывшего корабля – подводным роботом «Дельфин». Платон под-

талкивал сзади. Тележка качалась и кренилась. Илья поддерживал Дельфина сбоку. Хватило бы и одного неудачного падения, чтобы трехлетний результат работы Ильи пошел на смарку.

Первый проект подводного исследовательского аппарата был намного меньше и проще. Но Томаша Янцыча постоянно что-то не устраивало – то низкая скорость, то маломощная антенна, то приборов мало навешали. Работа затянулась. Илья не смог закончить Дельфина до старта миссии. Тогда и решили отправить позже отдельную «посылку».

– Есть тут кто живой? – крикнул Егерь.

Эха почти не было. Значит место обжитое.

Проходя мимо комнаты отдыха, Илья заметил внутри столы для бильярда и пинг-понга. Вентиляционные насосы, поскрипывая, разгоняли запахи от недавнего приема пищи. В рабочей зоне на кабинетах висели таблички без надписей.

Внезапно перед ними выскочило нечто похожее на обезьяну и пронзительно заорало.

Илья чуть не решился рассудка от неожиданности.

– Ах ты маленький засранец, – громко взвизгнул Егерь, оглушив всех повторно. Испугался здоровяк не меньше остальных.

Мальчик лет одиннадцати стоял напротив и корчил рожи. Егерь бросился к нему. Ребенок подпрыгнул на полтора метра и, оттолкнувшись от стены, спикировал в сторону, как цирковой акробат. Неповоротливый Егерь успел схва-

тить только воздух.

Мальчик уже сидел в позе кузнечика у него за спиной и хихикал.

– Испугался Барабас, одинокий Карабас. Толстый жирный Карабас, бородатый Барабас.

– Я тебе язык оторву.

Они рванули в ближайший коридор. Было слышно только удаляющиеся крики Егеря и хохот мальчика.

– Чуть не обгадился, – сказал Платон, усмехнувшись.

– Как вообще разрешили детей сюда притащить?

– Здравствуйте, с прибытием, – сказал женский голос за спиной.

Увидев Веру, Илья чуть не подавился. В жизни она жилистей и выше ростом, чем он представлял. Ее глаза, прикрытые легкими очками, были цвета полированного янтаря, и смотрели будто сквозь ребят.

– День добрый, а мы думали тут никого, – сказал Платон.

Илья сторал от стыда. Выговорил губами слово «здравствуйте», но не был уверен, что произнес его.

– День сегодня не добрый. А Егерь где?

– Он в туалет побежал, приспичило. Скоро вернется. Я Платон. Это Илья. Мы почти познакомились тогда, по радио.

Илья изобразил нечто похожее на улыбку. Вера взглянула на него мельком – на одну десятую секунды.

– Вера Андреевна, – представилась она официально. – Семен Геннадьевич попросил расположить вас и все показать.

– Мне точно не помешает экскурсия, – радостно воскликнул Платон. – Все эти коридоры, закутки – заблудиться можно.

Его улыбка была неестественной, заигрывающей. Конечно, Платон лукавил. Он знал каждый угол на базе наизусть.

– Пойдемте, я покажу ваши каюты.

Илья и Платон переглянулись.

– Егерь вернется и заберет тележку, – сказала она.

– Я лучше дождусь его, – сказал Платон. – На всякий случай. Ты иди, Илья.

Он незаметно толкнул Илью в спину.

– Хорошо, потом я вам все покажу отдельно.

– Это мне нравится даже больше.

– Илья Вячеславович, пройдемте за мной.

Так Илью давно никто не называл. Не нравилось ему эта фамильярность. Но в устах Веры это звучало как-то по-особенному, будто из старого черно-белого фильма.

Илья захватил чемоданчик с МАКС и последовал за Верой. Походка у нее от бедра – строгая, осанка прямая. И как ей удавалось так ловко управляться с тапочками? Илья шел тюфяком, запинаясь и прихрамывая.

Они вошли в жилую зону, остановились у средней по коридору каюты. По небрежным рисункам на двери в виде рыб, кораллов, и еще каких-то морских чудищ Илья сразу понял кто будет его соседом.

У него все внутри оборвалось. Сердце застучало по груд-

ной клетке.

Вера открыла дверь. В лицо ударил запах несвежих вещей. В каюте все было вверх дном. Две кровати стояли косо-криво, подушки валялись на полу. Сверху на протянутых от стен веревках болтался комок простыней.

– Простите, Илья Вячеславович. Я просила его прибраться.

Неужели она захотела ему отомстить? – подумал Илья. Он не хотел так грубо отозваться о ее сыне. Хотя, нет... Конечно, хотел. Но лучше бы послушался совета отца: «Иногда дешевле помалкивать, чем говорить то, что думаешь».

– Я думал, что нас с Платоном вместе поселят. С тем парнем, который со мной прилетел.

– Роднянский будет жить с буровыми рабочими в последней каюте. В такой же комнате их четверо и поверьте запах там намного хуже.

Илья сдался и кивнул.

– Я приберусь и позову вас. Можете пока подождать в комнате отдыха. Если вы голодный, в столовой остался суп.

Илья заметил насколько Вере было неловко за беспорядок. Ему захотелось любым способом реабилитировать себя.

– Я сам справлюсь, Вера Андреевна, – сделал ударение на отчество. – Я в детстве часто прибирал комнату брата.

– В этом нет необходимости.

Они услышали нарастающие голоса. Егерь вышагивал победной походкой, неся на вытянутой руке, сына Веры. Маль-

чик висел, как средневековый пленник. Барахтаясь и извиваясь, пытался пнуть Егеря.

– Отпусти, понял! А то хуже будет.

– Спрятался в вентиляционной шахте. Думал я не достану, – с гордостью заявил Егерь.

– Отпусти, жирный.

– Кирилл! – заорала Вера.

Егерь поставил его на пол. Мальчик молча опустил взгляд.

– Сколько раз говорила тебе держать язык за зубами!

– Ну, он первый начал, – попытался оправдаться Кирилл.

– Все, хватит! Быстро в комнату и делай, что я тебе сказала утром. Уберись, – она зашвырнула его в каюту и захлопнула дверь.

– Врет паршивец, усмехнулся Егерь. – Выскочил, как мартышка перед нами. Да как заорет.

– А вы, чем лучше? – вдруг набросилась на него Вера. – Взрослый мужчина, а ведете себя, как ребенок.

Вера протиснулась между ними. Илья и Егерь проводили ее взглядами. В конце коридора она обернулась.

– Прошу вас, Илья Вячеславович, не помогайте ему. Пусть делает сам, он обещал.

– Хорошо, – ответил Илья.

– Я в лаборатории если понадобится.

Напоследок она стрельнула взглядом в Егеря.

– У-уух... Добро пожаловать на базу, – сказал Егерь, подмигнув.

– Здесь здорово.

Егерь махнул на Илью рукой.

Илья понял, чем на самом деле отличалась База Европа от станции Зимовье. Не размерами и фотографиями на стенах, не отсутствием нормальной гравитации. На Зимовье Илья чувствовал пустоту во всем. Стерильность была в воздухе за каждым углом, в каютах и коридорах. И Егерь не был полноценным жителем Зимовья. Скорее хранителем. В Зимовье со всеми ее удобствами не было жизни. Здесь же жизнью было пропитано все.

Высадка не была ошибкой. Внутреннее «Я» Ильи соскучилось по людям, от которых он бежал всю свою жизнь на Земле. Каким-то внутренним чувством он желал ночевать в одной каюте со шkodливым мальчиком, водить дружбу с обитателями базы...

Видеть Веру каждый день.

Экипаж вернулся с похорон. База наполнилась голосами.

Илья искал Богдана Винича. То ли механика базы, то ли заведующего складом, или все в одном – Илья точно не знал. Главное найти его, и чем быстрее, тем лучше.

История вышла дурацкая. Илья задремал в комнате отдыха, а когда проснулся МАКС пропала. Он решил, что это шутка Платона. Отыскал друга в столовой. Вместе с рабо-

чими бригады Платон поедал ароматные плюшки с горячим чаем. Пустой желудок Ильи умолял его примкнуть к ним, но все мысли были только о МАКС. Платон был увлечен новой компаний и, конечно, был не при чем.

Следом подозрения упали на Кирилла.

– Богдан Винич, – уверенно сказала Вера, когда Илья пришел к ней объясниться.

На склад вел неприметный коридор, вилявший между спортзалом и техническими помещениями. Температура здесь была выше чем в других частях Базы, и воздух чересчур влажный. Насосы гудели, заглушая звук стучащих тапочек.

Илья был в бешенстве. Винич знать не знал, что в чемоданчике. Мог предположить, что набор инструментов, или аккумуляторная батарея. А если он решит вскрыть чемоданчик ломом? Мозг МАКС еще более беззащитен, чем мозг человека в открытой черепной коробке. Не дай бог начнет тыкать отверткой – уничтожит связки блоков памяти. Будет счастьем если МАКС хотя бы сможет различать черное от белого.

У закрытых дверей склада Илья стоял минут двадцать. Стучался, пинал ногами. Потом двери вдруг открылись. На входе его встретила горизонтальная планка в виде столешницы, преграждавшая путь. За ней скрывалось небольшое помещение с высокими под потолок стеллажами. На полу нарисована разметка, как на автодороге с перекрестками

и стрелками.

Илья увидел тележку. Дельфин по-прежнему лежал на ней. МАКС нигде не видно. Как и Винича.

Илья пролез под планкой, пошел осматривать стеллажи. Каждый предмет, начиная от запчастей для тостера и заканчивая буровыми головками, лежал завернутый в пакет. Сверху наклеена этикетка с информацией.

– Эй! – заорал кто-то.

Илья замер и осмотрелся.

– За территорию склада, немедленно!

Илья не видел откуда идет голос, поэтому заговорил в пустоту:

– Я ищу свою вещь.

Между стеллажей появился силуэт. Пошел быстро к Илье, громко стуча тапочками по металлу.

– Это чемоданчик вот такого размера, – начал объяснять Илья.

– За территорию!

Богдан Винич выставил руки в стороны, словно пытался обхватить гигантское дерево. Если бы Илья не отступил обратно к планке, Винич выдавил бы его, как бульдозер.

Винич был похож на гитариста рок-группы. На вид лет сорок пять, высокий рост, худой. Волосы настолько кудрявые и черные, что казались вымазанными в саже. Аккуратные усы спускались с губ и соединялись в козью бородку.

– Я ничего не брал, – возмутился Илья.

Винич потеплел.

– А если бы на тебя стеллаж упал? Написано же – на территорию склада проход запрещен. Тебе же провели инструктаж по ТБ?

– Никого не было, и я... – Илья решил не объясняться. – Мне нужна моя вещь.

– Завтра.

– Завтра?! Почему?

– Груза еще не внесены в каталог.

– Какой еще каталог?

Винич поджал губы, дав понять, что считает Илью полным кретином.

– Все прибывшие груза вносятся в общий каталог. Выбираешь, что надо, визитируешь у начальника, и я тебе выдаю.

– Нет, ты не понял. Это моя вещь. Личная. И ты ее украл.

– Я что сделал?

Илья попытался унять бунтовавший внутри пыл. Незаметно выдохнув, он продолжил более спокойно.

– Забрал ее из комнаты отдыха.

– Конечно, забрал. Я обязан принять все груза корпорации и сделать опись.

– МАКС не собственность корпорации. Это моя вещь!

– Здесь даже твои трусы – собственность корпорации. Исключение только для средств гигиены. Они у тебя в личном ящике, их я не трогаю. Остальное должно пройти через меня.

Илья положил руки на планку и придвинулся к Виничу.

– Послушай. МАКС – это компьютер. Я сам его создал...

– Не важно. Приходи завтра и получишь.

– Завтра?

– Завтра.

– И по-другому никак?

Винич отрицательно повертел головой.

– А исключения? Вдруг ЧП, авария, надо получить что-то быстро. Разве не предусмотрены такие случаи?

– Стучилось ЧП?

– Да.

– Тогда мне сообщает об этом начальник и я выдаю, что надо.

– Никуда не уходи, я сейчас вернусь.

Начальник базы Тетерин сам нашел Илью. Они столкнулись у входа в спортивный зал.

– Хорошо, что я вас нашел, Илья Вячеславович, – заговорил Тетерин в приветственной манере. – Вера сказала вы на склад собирались. С прибытием на Европу.

– Здравствуйте. Я тоже вас ищу.

Они сцепили ладони в рукопожатии. Тетерин постучал сверху второй рукой.

– Как же вы вовремя, – Тетерин не отпускал руку. – Слава богу, что посадка прошла успешно. Пойдемте в мой кабинет,

я угощу вас. Нам нужно многое обсудить.

Тетерин потянул Илью за собой.

– Мне нужно...

Один из тапочек заглянул. Илья споткнулся и повалился на пол. Тетерин помог подняться.

– Куда ж вы так спешите? Так и ноги с непривычки можно переломать.

– На склад...

– Илья Вячеславович считайте, что все ваши дела на сегодня отменены. Если кто спросит, скажите я дал распоряжение.

За спиной Тетерина виднелся дверной проем спортивного зала. Илья заметил внутри крупного парня азиатской внешности. Он делал приседания с чудовищным весом на плечах. Ремни стягивали его накачанное оголенное тело. Лицо корежилось от напряжения, мышцы на теле вздувались. Неподвижными были только глаза, смотревшие прямо на Илью. Наполненные отрешенностью, смешанной с отчаянием, они гипнотизировали, угнетали, сбивали с мыслей.

Должно быть это брат погибшего механика, подумал Илья. Такой взгляд может быть только у человека, потерявшего близкого.

– Вам плохо. В первый день и нас всех мутило. Это нормально, – сказал Тетерин.

– Мне нужна ваша помощь.

– Конечно, что угодно. Расскажите в моем кабинете.

Тетерин опять потащил Илью в противоположную сторону.

– На склад. Винич сказал только вы сможете помочь.

– Винич так сказал?

Илья кивнул.

– Он ждет.

Тетерин оценивающе глядел на Илью несколько секунд.

– Ладно. Посмотрим, что он выдумал на этот раз.

Уходя, Илья успел последний раз заглянуть в спортивный зал. Парень все еще приседал. Волосы висели на его лице мокрыми от пота прядями. Казалось, что еще одно приседание и он рухнет обессиленный на пол. А может быть этого он и добивается?

Через полчаса, сидя в кабинете Тетерина, Илья разглядывал на стене грамоты, благодарственные письма и дипломы разных лет. Их было около трех десятков – все в золотистых рамках, вычищенных до блеска от пыли.

Кабинет был небольшим и от этого не казался уютным. У стены стоял скромный стол, слева пара шкафов, набитые папками. И это во времена, когда все можно уместить в планшете! В углу ютился мини-бар. Под него Тетерин приспособил один из шкафчиков для хранения образцов. Такие же Илья видел в лаборатории Веры.

– Вам не стоит держать зло на Богдана. Он следует фор-

мальностям. Уверяю вас, базе только на пользу, что за ее безопасность отвечает такой человек. Наши жизни в надежных руках. Возможно поэтому Богдан держится от всех на расстоянии. Так ему проще работать. А мне лучше – не придется слушать его капризы. В отличие от... Итак, я отвлекся, – Тетерин разливал коньяк по бокалам. – Не переживайте за свой прибор. То, что попало Богдану в руки всегда сохраняется в превосходном состоянии. Вы, наверное, спросите зачем на базе склад? Ведь воровать здесь некому.

Илье не хотелось отвечать. Все еще злился на Винича за то, что тот не вернул МАКС.

– С самого начала не было никаких замков, любой мог брать, что захочет. А потом... Вы знаете людей. Кто-то взял дорогой прибор, вернул, а он не исправен. Или вообще не вернул, бросил на площадке. Ребенок школьник тащит все, что плохо лежит. А тут у нас снабжения нет, сами понимаете. Обходимся тем, что есть. Винич чудеса отверткой творит, но его возможности ограничены. Вот я и решил все привести в порядок. Порядок он, знаете, двигает людей вперед. Мотивация, она всему голова. А мотивация – это деньги. У каждого контракт, и большие выплаты по возвращению. За этим они здесь. И я считаю такой подход единственно верным. Прошли времена, знаете, когда люди готовы были рисковать жизнью за идею. Мы можем уповать на прошлое, но не лучше ли смотреть в будущее? Честно признав собственную природу.

– Угу.

– Знаете, что я думаю? Хорошо, что Винич не вернул вам прибор сегодня. По крайней мере он точно будет в сохранности. Вы еще неуверенно стоите на ногах. Кожа бледная, синяки под глазами. Это нормально. В первые дни я пролил на себя чашку кофе, а Надежда Николаевна и вовсе разбила голову. Все так перепугались тогда. Врач и без сознания. Думали все – пора домой.

Тетерин рассмеялся. Илья сделал глоток. Коньяк и правда был хорош.

– Настоящий армянский. Таких уже не делают. Мне подарил сам министр Алоян. Друг нашей семьи в третьем поколении. Шесть бутылок – все, что разрешили с собой взять. Одну открыл по прибытию, две на каждый новый год, сегодня вот повод не очень хороший. Поминки. Ну ничего, мы справимся. Осталось еще две и поводы уже расписаны. А я, знаете, полным стакан не оставляю.

Тетерин улыбнулся. Теперь он выглядел уверенно – настоящий начальник. Совсем не тот человек, который, оглядываясь на Илью, с неловкой серьезностью просил Винича вернуть Илье МАКС. Вообще Илье показалось, что Винич все задумал специально, чтобы уколоть Тетерина. Знал, что Тетерин не решится воспользоваться правилом о ЧП, иначе Винич сделает об этом отметку в компьютере и Тетерину придется объясняться на Землю. Это в планы Тетерина не входило. У такого человека всегда все должно быть под

контролем, хотя бы на бумаге.

– Я знаю, вы ожидали увидеть три готовых скважины, – заговорил Тетерин с меньшим напором. – К сожалению, мы недооценили этот лёд. Была бы на нашем месте другая команда, они бы все бросили и вернулись. Ноы не такие. Мы боремся с трудностями и выполняем задачи руководства несмотря ни на что, – Тетерин сделал маленький глоток. Он вообще не пил, а просто смачивал губы. – Я уже приказал Ясону Джаду в ближайшие дни продолжить работы на скважине и вскрыть пласт. То, что случилось с Мариком – трагедия, но мы не имеем права останавливаться. Руководство ждет результата. Да, что там – мир ждет.

Тетерин отошел к шкафу, достал толстый журнал. Открыв на середине, положил его на стол и развернул к Илье.

– Я скорректировал график. Мы полностью завершим работы за следующие две недели, – Тетерин сделал многозначительную паузу. – Через три дня Ясон Джад вскроет скважину. На следующий день пробы воды доставят в лабораторию. Вера подготовит анализ за двадцать четыре часа и выдаст заключение, – Тетерин перемещал палец по заполненным клеткам в которых был записан каждый шаг, словно это уже случилось. – Я принимаю работы восьмого, уже девятого Ясон Джад опустит зонд в скважину. Через два дня вы, Илья Вячеславович, подготовите отчёт по результатам его работы. Все данные я внесу в главный журнал миссии и отправлю руководству на Землю. Четырнадцатого мы покидаем базу

и уже шестнадцатого возьмем курс на Землю. Наша миссия будет считаться успешной.

Тетерин закончил на приподнятой ноте. Протянул Илье ручку.

– Илья Вячеславович, подпишите, пожалуйста, график напротив своей фамилии.

Илья заметил, что напротив всех фамилий кроме самого Тетерина были пустые графы.

– Приборы Дельфина будут анализировать образцы воды постепенно и пакетами передавать данные. Нет нужды ожидать здесь, – сказал Илья.

– Я слышал, что толстый лед может повлиять на качество связи. Миссия не может так рисковать. Мы улетим только с результатами на руках. Хорошо, тогда давайте сдвинем на день. Я подготовлю корректировки и оставлю вашу часть пустой. Справитесь?

– Я не уверен. Дельфину потребуется опуститься до расчетной глубины. Только это займет несколько дней.

– Илья Вячеславович, поймите, у нас нет дополнительных дней. Юпитер и Земля сейчас в лучшем положении. Через три недели закрывается окно вылета. Обстоятельства вынуждают нас торопиться. Поступим так. Мы сейчас утвердим график в том виде, в котором он есть. А по факту, если будете не успевать, мы вместе внесем корректировки.

Тетерин вновь протянул Илье ручку. Илья поставил подпись.

– Отлично. Если у вас будут какие-нибудь трудности, обращайтесь сразу ко мне. Я все решу, – Тетерин победно поднял бокал и пригубил.

Илья осушил свой и поставил на стол.

– Я сразу вижу человека, который умеет работать в команде, – Тетерин убрал журнал в шкаф, закрыл его на замок. – Именно такие люди как уважаемый Томаш Янцыч, вы и я, Илья Вячеславович сделали эту миссию возможной. И мы добьемся успеха если будем продолжать работать продуктивно, как одна команда. Вы согласны?

Илья кивнул.

– Тогда я думаю вы поймете почему я попросил Ясона Джада взять вас в буровую бригаду на место механика.

Илья автоматически кивнул, но потом до него дошло все то, что он только что услышал.

– Меня?

– Лучше вас никого нет. Ваш опыт в роботостроении, познания в компьютерах бесценны. Кроме того, вы на отлично сдали экзамен по механике буровой установки.

– Но на это место взяли Платона Роднянского. Его уже утвердили в команду. Я видел приказ.

Тетерин покивал. Потом обратился к компьютеру.

– Платон хороший парень. Его личное дело безупречно. Лучший выпускник на потоке, великолепные рекомендации, пилот от бога. И экзамен сдал на отлично. Но у него нет вашей квалификации. А это место должен получить объектив-

но лучший.

– Вы его плохо знаете. Платон знает эту буровую лучше, чем кто-либо.

– Я уже подписал приказ о переводе Роднянского на Зимовье. Он будет помогать Егерю готовить станцию к возвращению. Они улетают сегодня вечером. Я понимаю, что вы хотите помочь, но посмотрите на все со стороны. Вы сможете руководить погрузкой зонда на месте. Никто не знает его лучше вас.

В словах Тетерина была правда. Илья подготовил памятку на десятке страниц по правильному обращению с Дельфином. Нарушение любого пункта может привести к тому, что Дельфин не проснется под толщей льда. Достать его наружу будет уже невозможно.

– Я вижу вы согласны со мной, Илья Вячеславович. Я рад, что мы пришли к пониманию. Только так мы выполним задачу. Вместе, как команда.

– Как команда, – машинально повторил Илья.

Почему-то вспомнил про МАКС. В общении с ней Илья всегда выступал в качестве спарринг-партнера. Он выбрал эту тактику с самого начала, считая ее наиболее продуктивной. Это всегда было противостояние – двух точек зрения, двух взглядов на жизнь – человека и машины. Именно в ампула старшего брата, отца, Илья отложился в памяти МАКС. До поры до времени она воспринимала это как должное. Но теперь она поумнела, набралась опыта. Как подростку

в один прекрасный день надоедает покровительство родителей. Его разум жаждет бунта, любое несогласие – победа. Он уже достаточно опытен чтобы иметь свое мнение, но еще не знает, как его правильно выразить. Его мысли прямолинейны и инфантильны. Он жаждет быть услышанным и готов на любую ложь чтобы высвободиться из клетки. Если Родитель вовремя не остановиться, не перестать быть покровителем, а станет другом, командой, члены которой равны – выхода не будет. Случиться непоправимое...

Стать командой.

– Платон уже знает? – спросил Илья.

Тетерин отвлекся от компьютера и взглянул на Илью. Он не расслышал вопроса.

– Вы сказали Платону?

– Ему скажет Ясон Джад. В его обязанности входит руководство бригадой. Ступайте, отдохните, Илья Вячеславович. Вы очень устали.

Илья встал. Тетерин снова обратился к компьютеру и на Илью внимания уже не обращал.

– Я могу отказаться? – спросил Илья.

– К сожалению...

Илья вышел из кабинета на подкошенных ногах. До жилого блока дошел, как в вакууме. Вокруг не было ни людей, ни звуков.

Что подумает Платон о нем, когда узнает? А если уже узнал? Как после всего смотреть ему в глаза?

Илья увидел Веру. Она вышла из лаборатории, прикрыв дверь ногой. Ее взор был направлен в кипу бумаг, которые она держала подобно раскрытой газете. Она стояла так почти минуту, словно специально позируя для Ильи.

К ней подошел высокий молодой парень. Взяв ее нежно за локти, поцеловал в щеку. Она улыбнулась в ответ, прижалась к нему. Они снова поцеловались, и на тот раз в губы.

Илья ни разу не видел прежде этого парня и не мог припомнить кто он такой. Но он ему уже не нравился.

Парень что-то сказал Вере, и она заметно помрачнела. Приобняв за талию, он увел ее. Илья так и стоял еще неизвестно сколько времени, смотря в пустоту. Он думал о МАКС, о Дельфине и скорой отправке на буровую, о Вере и ее парне.

О Платоне...

Ему не хотелось спать. Он должен сделать то, ради чего настоящая дружба существует. Потому что Платон сделал бы для него то же самое.

ГЛАВА 3. Страх

Ясон внимательно просматривал данные подледного сканирования. Не торопился. Потерять третью скважину за сотню метров до цели – непростительно. Другого шанса не будет.

На Земле Ясон привык работать, не ограничивая себя ничем. Не справился пусковик – пришлют нового; заболел механик – на подхвате еще сотня с материка; сломался привод – через три дня вертолет доставит новый. Любая проблема по плечу, когда нужен результат. Заказчики хотят скважину и поэтому они всегда приглашали Ясона. Потому что Ясон бурил. В любых условиях. Любую глубину. Томаш Янцыч не сомневался, что Ясон сделает это и на Европе. Лед везде одинаковый, говорил он. И Ясон поверил в свою удачу слепо, как школьник после отличной оценки. Он думал, что справиться со всем...

Теперь Ясон понимал, что недооценил собственные силы.

Бурили Густав и Леон следили за лебедкой. Марик с Хакасом готовили к погружению термобур. Тадлис руководил бригадой из пусковой. Ясон наблюдал за всеми из вахтовки,

расположившись на вершине пологой стены древнего кратера. Это была неизолированная капсула размером три на два метра, большую часть которой занимал столик с компьютером и кресло.

Команда работала, как швейцарские часы. Каждого Ясон отбирал с особой тщательностью. Люди должны быть не только профессионалами в своем деле, но и преданными ему. Без доверия в таком деле никуда. Марик и Хакас в его команде уже десять лет. Густав и Леон почти шесть. Всех их объединяла вера в Ясона. Любому его слову и решению. Но теперь неуверенность в их глазах Ясон замечал все чаще. В особенности у Тадлиса.

Как же он повзрослел, думал Ясон. Как сейчас помнил – забирал рыдающую сестру с роддома. Тогда Тадлису еще и имя не придумали – боялись сглазить. Он был так мал – недоношенный. Три месяца в капсуле. Боялись не выкарабкается. Он смог. А потом как понесла его жизнь, не остановить было.

Тадлис вышел на связь. Как чувствовал, что о нем думает.

– Дядь Яс, еще стоим?

– Не нравится мне область до поверхности воды. Слишком много пятен.

– Помехи из-за радиации, точно тебе говорю.

– Или карманы...

Точно такие же пятна Ясон видел на снимках с предыдущих скважин. И тогда по глупости не придал им значения.

– Поднимемся на триста метров и обойдем по дуге?

Справлюсь до темноты, – предложил Тадлис.

– Скажи Марику, пусть еще раз просканирует.

– Результаты будем еще три часа ждать. Давай рискнем?

– Нет. Скажи своим пусть пока курят.

– Понял. Работаем.

Тадлис выпрыгнул из пусковой. Одним махом-прыжком преодолел метров шесть, не меньше.

Когда-то Ясон потратил годы в поиске самого опытного пусковика. Человек должен был стать его правой рукой – доверять Ясону беспрекословно, понимать с полуслова, исполнять приказ, который Ясон только собирается отдать. В один момент он понял, что человека такого не найти, его можно только взрастить. И таким человеком стал Тадлис. Племянник по крови, сын по призванию.

Ясон вышел из вахтовки. Крохотное солнце кренилось к закату. Ясон понимал почему торопился Тадлис. Через пять часов солнце скроется, Европа зайдет за неосвещенную зону Юпитера, и в следующие двое земных суток ледяной спутник погрузится во тьму. Работать в таких условиях не опасно, но по какому-то странному совпадению предыдущие аварии, погубившие две скважины, произошли в ночное время. Тадлис говорил: «Днем планета расслабляется на солнышке и не чувствует, как мы сверлим в ее коже сквозную дырку».

Половину неба занимал Юпитер. Гигант был прекрасен.

Если долго смотреть разноцветные полосы и пятна на его поверхности начинают шевелиться. Словно картина маслом, внезапно, оживает. Зрелище завораживает. Ты чувствуешь умиротворенную мощь властелина всех планет, о котором предки слагали легенды.

Ясон вдруг почувствовал вибрацию по ногам. Густав и Леон побежали от буровой. Ясон собирался отдать команду об эвакуации, но ему будто сжали глотку невидимой рукой. Его пронзил ужас, непонятный, непереносимый. И такой знакомый...

Из скважины вырвался поток воздуха, словно снизу выстрелили гигантской хлопущей. Буровая штанга пошатнулась, устояв благодаря весу пусковой. Тадлис успел выпрыгнуть.

Это уже было, подумал Ясон. Он уже стоял здесь и видел все это. Выброс, смерть Марика, похороны. Он помнил, как Хакас плакал над его телом, как Густав и Леон сталкивали его в расщелину. Почему это происходит снова? Почему он вернулся сюда?

Из скважины вырвался огромный столб воды. Буровая платформа взмыла в воздух. Ее разорвало, будто игрушечную. Останки полетели в открытый космос – прямоком в пасть Юпитера.

Повсюду на площадке трескался лед. Густав и Леон упали в одну из трещин. Следом погибли и Марик с Хакасом.

Вибрация усилилась. Ясон едва стоял на ногах. В этот мо-

мент он услышал рык. Это Черный! Он нашел его! Он всегда был здесь подо льдом. Ясон сам пришел к нему, сам открыл ему дверь.

Лед вспучился, словно внутри взорвалась бомба. Надулся гигантский пузырь. Верхушка лопнула и из нее, словно гигантские черви полезли щупальца. Сначала несколько штук, потом десятки и сотни. Именно такими Ясон видел их в своих кошмарах.

Щупальца расплзались по поверхности. Искали Ясона.
– Тадлис!

В следующее мгновение щупальца схватили Тадлиса. Племянник не успел даже вскрикнуть. Его разорвали на куски.

Ясон наблюдал за смертью Тадлиса в полном оцепенении и плакал.

Щупальца расплзались все дальше и дальше пока, наконец не показался Он. Уродливый и страшный. Склизкая кожа, которую не проткнет ни одно лезвие, ужасающий рокот, от которого каменеет тело.

Это Он!

Ясон закричал, пока не осознал, что лежит в собственной кровати. Одеяло и простынь были свернуты комком, в который он замотался, словно куколка гусеницы.

Он подскочил к столу, впился губами в бутылку воды. Все тело дрожало, руки не слушались.

Сон! Это был сон!

Ясон нашел под дверью кабинета коробку с пластинками. Несколько секунд пялился на нее, боясь прикоснуться.

Два года назад какой-то сосунок из отдела подготовки напутал документы при погрузке, и Ясон отправился в межпланетный полет с голым проигрывателем пластинок. Кажется, он никогда еще не был таким злым.

Поставив свежую пластинку Баха, он налил кофе и сел на стул. Проигрыватель потрескивал несколько секунд. Из старого динамика полилась скрипка, следом вступила осторожная виолончель, а главную партию взяла флейта.

Ясон отгонял воспоминания о дурном сне. Все это от нервов, думал он. Однажды ему приснилось, что он висит над пропастью, привязанный одной ногой к сухой ветке дерева. Внизу в реке рычат голодные крокодилы. Ветка ломается, и он падает прямо в пасть самому огромному супостату. Ощущения были, словно он попал внутрь мясорубки. И ничего – проснулся и жив здоров. И крокодилов не видел никогда в жизни, а прошло уже не мало лет. Всего лишь сон и ничего больше.

Постучали в дверь.

Ясон удивился. В это время на базе еще ранее утро, а сегодня у всех выходной.

Он поставил шелл проигрывателя на подставку. Музыка затихла.

Опять стук.

– Войдите.

Никто не отвечал и не входил. Ясон разозлился. Все на базе знали, что к нему можно входить без стуков. Ненавидел он эти начальнинские закидоны.

– Кирюха, если это ты балуешься, я пожалуюсь матери, она тебе всыплет.

Тишина.

Ясон потянулся к шеллу чтобы поставить его обратно на пластинку. Снова постучались и на этот раз еще требовательней. Ясон вскочил со стула, подбежал к двери, отрыл.

– Егерь. Ты здесь? Я думал ты улетел вчера!

– С тобой забыл попрощаться, старина.

Они обнялись.

– То-то думаю шуточки в твоём репертуаре, – Ясон хлопнул друга по плечу.

– Косточки зато встряхнул.

– Куда им до встряски... Суставы иногда ломит так, что вою.

Егерь устроился на стул, одну ногу водрузил на вторую.

– Кофе только один сварил, – Ясон поставил на стол чашку. – Пей мой, ни глотка не сделал. Себе сварю еще.

– Пей сам, – Егерь взмахнул рукой, громко зевнув. – Сердце берегу.

– Как знаешь.

Ясон вернулся за стол, отодвинул монитор к краю, чтобы

Егеря лучше видеть.

– У тебя вылет на вчера подписан был, – сказал Ясон.

– Ты не слышал? Старик распоряжение прислал.

Ясон пожал плечами.

– Все души остаются на базе до новых распоряжений, – пояснил Егерь.

– Сам Янцыч прислал? Ты видел сообщение?

– Я нет. Геннадьич видел. Прибежал вчера вечером весь белый, руки трясутся. Кого он там видел, старика или помощника какого – черт его знает, но вставили ему люлей серьезно. Наверное, про графики свои пытался загонять, – Егерь усмехнулся.

Ясон взглянул на фотографии на полке. Было их всего две. На одной Мара с девочками, на второй команда миссии. Помимо членов экипажа затесались туда и полётные инженеры, инструкторы, операторы связи – в общем почти восемьдесят человек. Среди них внизу слева стоял совсем неприметный мужчина с седой шевелюрой. Большинство понятия не имели кто он, но каждый знал его имя. Человек, благодаря которому миссия смогла осуществиться. Глава корпорации Томаш Янцыч.

– Странно, что он с тобой не связался, – сказал Егерь.

– Последний раз мы не дружественно пообщались.

– Все равно он в тебя верит.

Ясон покивал, глядя на фотографию. Они были знакомы с Янцычем пятнадцать лет. Другьями их нельзя было на-

звать. Они часто спорили, рвали подписанные контракты, клали друг друга проклятиями, а потом вновь жали руки и продолжали работу. Несмотря на свой дурной нрав, Янцыч не изменял главному принципу – доверять тому, кто всегда оправдывает доверие.

– Как считаешь, почему он так взбесился? – спросил Егерь.

– Хочет результат, – Ясон вздохнул.

– Мда. Представляешь сколько миллиардов он ввалил сюда. Мне такую сумму и не вообразить.

– Он понимает, что на тот свет богатства не унести. Так лучше сделать что-то полезное.

– Деньги у него кончаются, точно говорю. Вот и психует.

– Умирает он.

– Откуда знаешь? – Егерь надул глаза.

– Рак мозга. Неоперабельный.

Егерь мотнул головой, будто пытаюсь проснуться.

– Фух, сказал ты тоже. Аж передернуло. Так верно получается. Он не хочет умереть пока не узнает есть там кто подо льдом или нет.

Они помолчали. Ясон глотнул кофе. Опять невкусный.

– Он не о себе думает. Боится после смерти совет директоров прикроет нас.

– А как же сын его?

– Неизвестно есть ли у сына яйца. Янцыч его прячет, даже имени его никто не знает.

– Ты же говорил, что видел его.

– Видел пацана какого-то у него в резиденции лет десять назад. Сын не сын, не знаю.

Егерь тяжело вздохнул.

– Возвращайся в команду, – попросил Ясон. – Ты Марику достойная замена.

– Ты меня знаешь. Я птица вольная, летать люблю. А чем робоинженер тебе не угодил? Нормальный парень, вон рыбину какую смастерил. Толковый. Я-то умею в людях разбираться.

– Толковый, да трус. Приходил вчера вечером, просил не отправлять его на буровую. Боится, говорит. Хочет на базе остаться.

– А ты что?

– Не силком же его потащу. От такого толку все равно не будет. Придется помощника твоего забирать.

– Так бери, не даю что-ли. Все равно здесь пока будем. Я с Шаттлом повожусь. Наденьку вон на чашечку кофе приглашу.

– Ты же не пьешь кофе.

– Так и она не пьет, – Егерь расхохотался.

Ясон махнул на него рукой. Упоминание Надежды Вершининой все еще вызывало у него приступ отторжения.

– С Хакасом говорил? – спросил Ясон.

– Вчера, – Егерь кивнул. – Совсем лица нет у парня.

На фотографии команды Хакаса легко было узнать – са-

МЫЙ ВЫСОКИЙ.

– Первые дни он сильно убивался, – заговорил Ясон. – Приходил ко мне, про шаманизм рассказывал.

– Наверное, у него помутнение.

– Надежда Ник... – Ясон прервался. – Посадила его на таблетки, вроде лучше стало. Все понимает, осознает. Сегодня выход я отменил, пусть еще денек отдохнет. И не важно, что там Тетерин говорит. Мне команда нужна собранная.

Егерь придвинулся к столу.

– Яси, что там случилось, расскажи. Правда, что Тадлис без команды установку запустил?

– Нет.

Егерь понимающе кивнул. Они помолчали.

– Что будешь делать?

– Пока не вернемся на площадку даже думать не хочу.

– Тадлис переживает?

– Рвется в бой. Тому надо все и сразу. Психует.

Егерь встал и, обойдя стол, остановился у окошка. Посмотрел через жалюзи на пустой коридор.

– А может нафиг всех: Геннадьича, старика, молодежь эту неблагодарную. Поехали к нашему парню. Посидим, потрещим. Отдохнем, как раньше, помнишь?

Ясон покачал головой.

– Ты знаешь, я не могу.

– Пффф, ты можешь все. Кто тебе указ? У старика руки короткие, а Геннадьичу ты не по зубам. Без тебя не будет

скважины – это все понимают.

Ясон встал. В ногах ощущалась слабость.

– После, – Ясон похлопал Егеря по плечам. – Вернусь и обязательно съездим.

Егерь достал из кармана недокуренную сигару, вложил в рот, следом достал вторую целую, и протянул Ясону.

– Пошли курить.

– Пошли. И спасибо за пластинки.

– Можно мне посмотреть? – спросил Кирилл.

– Ты ничего не поймешь, – ответила Мама.

Она глядела в микроскоп уже целую вечность. Иногда отвлекалась, брала из холодильника мензурки с синими, желтыми или оранжевыми водичками, переливала, смешивала с другими, встряхивала, опять усаживалась за стол. И снова смотрела в микроскоп.

– Ты увидела рыбок? – спросил Кирилл.

– Пока нет.

– Они просто прячутся. Я буду первым кто с ними заговорит. Вот увидишь.

– Угу.

От безделья Кирилл сделал очередной круг по лаборатории. На большом столе в центре полным-полно всяких стекляшек – все красивые, прозрачные, блестят. Разглядывая их с разных сторон, можно поймать ракурс, при котором свет

от ламп играл на них цветастой радугой. Еще тут было два холодильника: маленький для мензурок, большой для кусков льда, которые маме привозили с Исландии. Несколько раз она разрешала их поразглядывать. Через лупу Кирилл выискивал вмерзших мальков, рачков, или хотя бы останки водорослей. Ничего он так и не нашел. Пока.

– Мам!

– Да.

– Дядя Яс завтра уезжает бурить?

– Не знаю, у него спроси.

Повисла короткая пауза.

– Мне уже можно с ним?

Она молчала.

– Мам?!

– Ты меня отвлекаешь, – она повернулась к компьютеру.

На экране бежали строчки с формулами.

– Ну, можно мне с ним?

– Нет.

– Ну пожалуйста, мам. Ты же говорила, ты говорила, помнишь? Полгода назад, это было второе число, точно второе, как сегодня.

– Кирилл...

– Как же я познакомлюсь с рыбами если ты меня не пускаешь. Ты сказала через полгода можно. Дядя Яс тоже говорил, что можно. Значит можно, да?!

– Я говорила, – она вернулась к микроскопу. – Что я ска-

зала тогда дословно? Повтори.

Кирилл щелкнул языком и прищурился, вспоминая тот день. Тогда он целую неделю вел себя пайнкой. Накануне сдал экзамены за пятый класс всего с семью тройками. Не пропускал медицинские тесты, и врачиха на него не жаловалась.

– «Через полгода, обещаю», – натужно проговорил Кирилл, пытаясь воспроизвести тот редкий для мамы доброжелательный тон.

– Было еще кое-что, – упрямо добавила мама.

– Не было.

– Опять обманываешь, – она строго взглянула на него сверху вниз.

– Правда, не помню.

– Прекрасно помнишь. «Если все будет нормально», – вот что еще было. А сейчас не нормально. На площадке опасно.

– Но мам, я буду осторожен, обещаю. Буду в стороне стоять, там, где безопасно. Мам, пожалуйста.

– Кирилл!

Она отвернулась, сделав вид, будто они говорили по телефону, а она только что бросила трубку.

Кириллу захотелось расплакаться от обиды. Льды, стекляшки, бумажки – все было важнее для нее, чем он. Пусть сидит тут, пялится в свои окуляры, но почему он тоже должен сидеть взаперти? Все мужчины хоть раз выезжали в Исландию. Чем он хуже?

– Ты закончил? – она протянула ладонь выжидающе. Кирилл отдал градусник.

– Тридцать шесть и девять. Запиши в дневник.

Кирилл открыл электронный дневник в планшете, отыскал пустую графу в нужной таблице и внес запись «36,9». Помимо таблицы с температурой, которую он измерял по десять раз в день, были еще таблицы с давлением, ростом, весом, и другие с непонятными каракулями, которые заполняла за него врачиха.

– Ты кровь сегодня сдал?

– Нет.

– Иди, сдавай. Время уже прошло.

– Не хочу.

– Нет слова – не хочу, есть слово – надо. И надень тапки.

Убьешься когда-нибудь.

Кирилл побрел к выходу короткими прыжками. У двери остановился.

– Она меня специально колет.

– Кто? – непонимающе спросила мама.

– Врачиха.

– Надежда Николаевна ее зовут. И не колет она тебя, не придумывай. Берет кровь она аккуратно.

– Нет, она специально меня колет. Говорит, что промахивается случайно, говорит я дергаюсь. А я спокойно сижу.

Кирилл задрал рукава. Мама надела очки.

– Подойди.

Она крепко обхватила его кисть и натянула руку струной. Поднесла ближе к лампе. На обоих локтевых сгибах чернели синяки диаметром с монету.

– Говоришь спокойно сидел? – с недоверием спросила она.

Он кивнул. Она отпустила руку, закрыла глаза и протерла их пальцами.

– Мне идти к ней? – спросил Кирилл.

Она задумалась.

– Мам?

– Пока не ходи. Пусть раны подживут. Я попрошу Надежду Николаеву сделать для тебя перерыв. Иди делай домашнюю работу.

Кирилл опустил рукава. Синяки и правда почти не болят. Он не врал.

– Я уже сделал.

– Покажи.

Она взяла планшет и около минуты проверяла домашку, потом вернула ему, ничего не сказав. Теперь она снова выглядела расстроенной хоть и старалась оставаться спокойной.

В лабораторию заглянул Тадлис.

– Привет, – сказал он шепотом, будто прервал просмотр фильма.

– Кирилл, сходи займи себя чем-нибудь. Покушай. Нам с Тадлисом надо поговорить.

Кирилл направился к выходу. Поравнявшись с Тадлисом, тот протянул Кириллу руку. Кирилл вложил в его ладонище свою. Сжал Тадлис крепко. Поди специально, подумал Кирилл. Гордиться, наверное, что здоровый такой вымахал.

– Как ты тут, космонавт? Защищал маму, пока меня нет?

– Угу.

– Не смурнись, мужик, – Тадлис потрепал его по волосам.

Так противно Кириллу стало, что захотелось двинуть этому погрызку по шее. Был бы Кирилл взрослее и выше ростом... Так надоели его дружеские улыбки, ужимки, постукивание по плечу. Кирилл ненавидел Тадлиса. И ненависть была взаимной.

Выйдя за дверь, Кирилл рванул направо по коридору. Бежал он так быстро, что не расслышал, о чем кричали ему вдогонку Густав и Леон. Наверное, называли дурачком. Как всегда.

На поворотах, не замедляясь, Кирилл, подпрыгивал, отталкивался обеими ногами от стены и летел параллельно полу, словно на летающей доске. Потом опять подпрыгивал, ускоряясь от каждого прыжка, как кенгуру.

Обогнув лабораторию и рабочие кабинеты, Кирилл остановился у закутка, ведущего в тупик. Из-за шума насосов сюда мало кто заходил. Кирилл на всякий случай осмотрелся – нет ли хвоста.

В затемненном углублении располагались вытяжки и фильтра для дополнительной очистки лаборатории и мед-

кабинета. Если они отключены – значит мама не работает.

Кирилл открыл потайную дверцу и протиснулся червяком в узкую круглую шахту. Внутри было тесно, приходилось передвигаться ползком.

Шахта огибала рабочие кабинеты. Кирилл обычно не задерживался там – подслушивать разговоры дяди Яса и Геннадьича было скучно и не интересно.

Кирилл оставил кабинеты позади и добрался до развилки. Впереди кабинет врачихи, а потом тупик. В этом месте сверху врезалась еще одна труба, ведущая к маминной лаборатории. Обычно загогулину Кирилл использовал чтобы развернуться. Дальше лезть он не решался. Обратного пришлось бы возвращаться задом наперед, а так можно было и застрять.

Кирилл прислушался. Из лаборатории доносились голоса мамы и Тадлиса. Эхо смешивало их в рокот тромбона. Кирилл мог разобрать только некоторые обрывочные фразы.

– ... ты не слушаешь, – громко говорил мамин голос.

– ... он не ценит... обманывает...

– ... Не кричи...

– ... Сам умею... не нужен он мне...

– ... он сделал для тебя... успокойся... нет сил больше...

Кирилл...

– ... твой сын, а не мой...

Где-то включилась музыка. Кирилл перестал разбирать голоса. Постояв еще немного, он решил вернуться.

Того, что Кирилл услышал уже достаточно, чтобы по-

нять – Тадлис хочет отлучить от него маму. Тадлис давно это задумал. Так и сказал: «не нужен он». Не нужен Кирилл!

Лучше бы Тадлиса убило на площадке, чем Марика.

Слезы выдавливались из глаз, но Кирилл терпел. Если бы только папа был рядом...

Нужно как-то помешать Тадлису. Но, что Кирилл может? Тадлис сильнее и старше. Кирилла он не испугается. Что же делать? Нужно найти другого старшего и попросить пригрозить Тадлису. А если не послушает – избить. Но кого? Дядя Яс его родственник, они с ним не разлей вода. Густав и Леон считают Кирилла придурком, да и Кирилл их тоже. К Хакасу лучше на километр не приближаться, страшный он какой-то, неразговорчивый. Винич ему и вовсе сам всыплет – припомнит все, что Кирилл у него сташил.

Вдруг Кирилл вспомнил про нового соседа. Илья, кажется, его зовут. Ростом он пониже Тадлиса, но по весу точно больше. Может он боксер или борец?

По дороге в каюту Кирилл натолкнулся на дядю Яса и Егеря.

– Здравствуйте. Вы завтра в Исландию?

– Привет, – ответил дядя Яс. – От тебя ничего не скроешь.

Как жизнь молодая?

Егерь сморщил лицо, изобразив театральный оскал.

– Возьмете меня с собой?

– Юркий какой, – возразил Егерь. – Иди мечтай.

– Ну, пожалуйста. Вы обещали.

– Как мать скажет, так сразу возьму. Я слово держу, – дядя

Яс усмехнулся.

– Она разрешила! – крикнул Кирилл им напоследок.

– Охотно верю.

Илья спал в каюте, отвернувшись к стене. Кирилл решил его разбудить. После нескольких тычков, Илья проснулся, взглянул с недовольством на Кирилла и, фыркнув, отвернулся.

– Вставай. Тут нельзя долго спать.

Кирилл постучал ему по плечу. Илья опять обернулся.

– Не надо так делать! – огрызнулся он.

– Не надо спать в обед.

– Сколько надо столько и сплю. Отстань.

– Рано не рано, – Кирилл запрыгнул на свою кровать, оттуда на стол, со стола на пол. – Говорю же не рано, не спят тут так. Нельзя же говорю, понимаешь. Так? – Опять прыжок на кровать, на стол, на пол. – Что спать сюда прилетел? Мой папа спит пять часов, а потом зарядку делает. А ты не можешь.

Илья сел на кровать, протер лицо. На голове у него торчали смешные рожки из волос.

– Моя мама спала там, где ты сейчас.

Илья осмотрел кровать, будто искал там маму.

– А сейчас она где спит?

– В каюте Тадлиса. За стеной.

– Угу.

Пахло от него не очень приятно даже с расстояния.

– Ты едешь завтра в Исландию?

– Куда?

Кирилл одним прыжком перепрыгнул вторую кровать и плюхнулся сбоку от Ильи.

– Ты что не знаешь? Это кодовое название площадки, на которой скважины бурят. Ну наверху Зимовье, здесь Европа, а там Исландия.

– Понятно.

– Ну, так что? – почти крикнул Кирилл.

Илья посмотрел на Кирилла умоляюще.

– Едешь или нет?

– Не знаю, – Илья встал и осмотрелся.

– А я еду. Очень скоро.

– Рад за тебя.

Илья отыскал рядом с кроватью комбинезон, натянул на себя.

– Ты знал, что подо льдом огромный океан? В нем живет рыбе царство. Они умные, намного умнее земных рыб. Главный у них царь, наполовину как человек наполовину рыба. Они пригласят меня в свое царство, и я буду с ними жить. Я уже разработал специальный язык. Ну то есть, чтобы можно было рыбам по-русски, а они отвечали и происходил перевод сразу, ну, понимаешь?

– Здорово.

– Хочешь, покажу?

– Потом, – Илья полез в свой ящик.

– Я быстро.

Кирилл подлетел к столу, сгреб тетради в охапку. Когда Илья обернулся с зубной щеткой в одной руке и с полотенцем в другой, Кирилл уже стоял напротив, перегородив проход.

– Я разработал специальные символы, чтобы их понимали рыбы и мы. Плавники у них точно есть, а у нас руки. То есть если им показать вот такой символ, смотри, я назвал его «дружба».

– Плавник пожимает руку... – проговорил Илья.

– Да, это же все знают. Знак приветствия. Значит они поймут, что мы с миром пришли. Потом мы покажем вот эти символы, видишь. По порядку. Если они понимают, то нужно плавником два раза взмахнуть, а если нет, то три.

Илья усмехнулся.

– Что? – возмутился Кирилл.

– А если они испугаются и откажутся приближаться?

– У меня есть способ, – Кирилл начал быстро перебирать тетради. Некоторые сваливались на пол, из них вылетали листы с рисунками рыб. – Вот. Ты знал, что дельфины и киты используют ультразвук, чтобы оглушать рыбу. И для общения с сородичами. Знал?

– Знал.

– Так вот, я закодирую мои символы в ультразвук и буду передавать на далекие расстояния в воде. Рыбы услышат

и ответят. Смотри я разработал излучатель-антенну. Рыбий глаз называется, – Кирилл вытащил из-под кровати коробку. – Я уже все продумал. Излучатель я снял с эхолота, а приемник с антенны связи старой.

– И где ты все это взял?

– Винич дал.

– Винич значит.

Илья взял тетрадь с чертежами, какое-то время перелистывал ее. Закончив, сложил тетрадь аккуратно.

– Хм, занятно. У кого идею срисовал?

– Ничего я не срисовывал. Я сам все разработал. Вот видишь, подпись моя стоит.

– Ладно-ладно. Откуда столько познаний?

– Папа научил. Он у меня и не такое знает. Он сам собирал такие электронные штуки, ну большие, которые космическими кораблями управляют. Твой папа такое умеет?

– Нет, мой папа врач. А рыбий глаз свой как опустишь в океан?

– В скважину сброшу.

– Не получится. Скважина имеет изгибы и извороты. Застрянет твой рыбий глаз.

Кирилл задумался. Этот момент он не учел.

– А как бы ты опустил?

– У меня есть подводный робот.

– Ух ты!

– Дельфин называется. У него есть небольшой реактив-

ный двигатель, который протолкнет его через скважину прямо в океан. Кстати, кодировать послания через ультразвук идея неплохая. Только вот это не пойдет, – Илья указал на картинки жестов. – Лучше кодировать слова через модуляцию, как двоичный код.

– Двоичный код?

Кирилл тотчас забыл Тадлиса. Он думал только о Дельфине. Представлял себя его изобретателем. И какой название крутое – Дельфин. Лучше и не придумаешь. Своего робота Кирилл назвал бы также.

– Двоичным кодом кодируется вся информация в мире. Всего единица и ноль. Так просто, но благодаря этому компьютеры могут понимать друг друга. И человек может научиться этому.

– Круто, – только и смог произнести Кирилл.

– Если хочешь помогу собрать твой излучатель.

– Конечно, хочу. Здорово! Только называть его нужно рыбьим глаз. Это важно.

– Ладно, потом поговорим. Надо привести себя в порядок.

– Покажи Дельфина!

– Я не...

– Ну пожалуйста, пожалуйста! Я все сделаю, все что захочешь.

– Ты же не отстанешь? – Илья вздохнул.

– Ура!

Илья сразу понравился Кириллу. Он не был заморочен

в себе, как остальные взрослые, не воспринимал Кирилла, как ребенка. Они говорили на равных. Он был, как папа. И да, еще он был точно не боксер и не борец. Скорее всего Тадлис урочет его одной левой. Кириллу это уже не казалось важным. Илья поможет сделать ему рыбий глаз. Илья станет его другом, настоящим!

Все утро Ясон пролежал в постели с ощущением беспомощности в конечностях. Его взгляд бессмысленно блуждал по каюте, не останавливаясь ни на чем. От мысли, что сегодня от него ждут долгожданный результат, тошнило.

Несмотря на неудачи и смерть Марика, доверие к Ясону только укрепилось. Опять говорили об его чутье. Раньше Ясону нравилось эксплуатировать этот почти мифический слух. Когда он стал знаменит на весь мир, журналисты постоянно спрашивали – в чем секрет чутья? Ясон говорил, будто в его голове появлялся внутренний голос, который подсказывает как поступить. На самом деле никакого голоса не было. Над журналистами он подшучивал, даже не надеясь, что миф приобретет такую популярность. Даже Тадлис верил в некие сверхъестественные силы, которые подсказывали Ясону где установить бур, когда надавить или ослабить. Ясон и сам задавался этим вопросом... Почему? Ответ он нашел в везении. Всю жизнь он добивался результата рискуя и ставя

все на кон. Там, где другие делали десять сканирований он обходился одним, там, где нужно было долгие месяцы исследовать данные геологов, он просто выставлял установку и пробурил. Со временем к нему пришло осознание – если он промедлит, если усомниться в выбранном решении его постигнет неудача. И он никогда не сомневался. Теперь же в нем что-то сломалось. Везение ушло. У него не было сил рисковать. Он больше не чувствовал себя самим собой, и это пугало его.

Стук в дверь вывел Ясона из забвения.

– Дядь Яс, все уже ждут. Ты здоров?

– Тадлис, проведи брифинг ребятам сам. Я скоро буду.

Ясон слышал, как Тадлис еще какое-то время стоял под дверью. Должно быть ответ Ясона удивил племянника. Еще бы, Ясон всегда уделял брифингу больше внимания чем тот, по мнению многих, заслуживал. Эти последние минуты перед отправкой были своего рода ритуалом. Команда выстраивалась в линию, каждый клал руку напарнику на плечо. Ясон не произносил много слов. Иногда брифинг и вообще проходил при полном молчании. Ясону было важно, чтобы каждый пропитался командным духом, почувствовал себя звеном общей цепи. На буровой нет места склокам. Команда должна работать как один организм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.